

С...а ных защитников чистого искусства, которые новаторство прежние Дружининские аргументы съ тою разницею, что они идут за течением, а Дружининъ плывъ противъ него.

Разсужденія о тенденціозности въ искусствѣ и свободѣ творчества происходятъ и въ разсказѣ г. Чехова «Три года», омоничномъ въ февральской книжкѣ *Русской Мысли*. Прямое отношеніе въ основной темѣ разсказа они впрочемъ не имѣютъ. Сущность послѣднего заключается въ томъ, что герой, женившійся по любви на недлюбившей его дѣвушкѣ, по прошествіи трехъ лѣтъ мѣняется ролями: онъ охладѣваетъ, она воспламеняется. Изъ этого не слѣдуетъ однако, что новое произведение г. Чехова является доказательствомъ тезиса о несовершенствѣ женщины. Лабрюеръ когда-то сказалъ: «Нѣтъ такой совершенной женщины, которая по крайней мѣрѣ разъ въ день не давала бы поводъ мужу раскаяваться въ томъ, что онъ женатъ, или завидовать вѣнчатымъ». Разсказъ г. Чехова очевидно не имѣетъ въ виду доказательствъ этой мысли. Причина, по которой происходитъ перемена въ чувствахъ героя, должна повидимому лежать не въ общихъ свойствахъ человеческой природы, а въ исключительномъ характерѣ дѣйствующихъ лицъ, въ условіяхъ ихъ жизни, во влияніи одного изъ нихъ на другаго. Къ сожалѣнію, прямыхъ указаній на необходимость измѣненія взаимной склонности героевъ разсказъ не даетъ. Когда на предпоследней страницѣ читатель наталкивается на фразу: «она объяснялась ему въ любви, а у него было такое чувство, какъ будто онъ былъ женатъ на ней уже лѣтъ десять, и хотѣлось ему завтракать», — когда читатель видитъ эту фразу, то событіе, разсказанное въ ней, является для него совершенною неожиданностью. Послѣдовательнаго развитія душевной жизни героевъ въ разсказѣ нѣтъ; этапы, черезъ которые направляются въ разные стороны чувства мужа и жены, скрыты; сцены, положенія, разговоры знакомятъ только со случайными подробностями жизни героевъ, не приближающими развязки. Благодаря этому послѣдняя также приобретаетъ совершенно случайный характеръ, и передъ читателями неразрѣшенной загадкой встаетъ вопросъ объ идеѣ всего разсказа.

Что хотѣлъ сказать г. Чеховъ своимъ новымъ произведеніемъ? Кого подразумѣвалъ онъ изображая въ дѣйствующихъ персо-

намахъ? Для читателя остается непонятнымъ ихъ значеніе какъ общественныхъ типовъ, ихъ отношеніе къ тому или другому времени и средахъ, такъ же какъ психологическія особенности ихъ природы. Главный герой, Лаптевъ, происходитъ изъ «драмой семьи». Дѣдъ былъ крѣпостнымъ и потому въ свое время былъ «нещадно» битъ помещикомъ, отца дралъ дѣдъ; герой разсказа въ дѣтствѣ былъ битъ отцомъ. Эта наслѣдственность породила «неврастению» Лаптева, его нерѣшимость, отсутствіе воли, вѣчное недовольство и неумѣнье ничего сдѣлать. Умышленно или нѣтъ авторъ настаиваетъ на этой наслѣдственности? Хочетъ ли онъ сказать вѣтъ, что «Темное царство» Островскаго, всевозможные Большаковы, Титы Титычи, Гордиѣ Карпычи и Любимы Торцовы породили неврастениковъ, сумасшедшихъ, прогрессивныхъ паралитиковъ и т. п.? Имѣетъ ли нѣтъ сдѣланное имъ указаніе на происхожденіе Лаптева общее значеніе, опредѣляющее свойства цѣлаго общественнаго класса? — отвѣтить на эти вопросы трудно. «Драчная семья» сама по себѣ еще ничего не опредѣляетъ; она могла породить и противоположныя свойства — зѣрство, истинность и т. п. Читателя интересуетъ не наслѣдственное приобританіе героемъ его душевныхъ свойствъ (если оно не имѣетъ общаго значенія), а то, насколько фабула разсказа объясняетъ эти свойства, дѣлаетъ ихъ рельефнѣе въ понятіи. Находится ли въ соответствіи съ характеромъ Лаптева его любовь къ женѣ, послѣдующее охлажденіе къ ней, равнодушіе къ прежней любовницѣ и новое пробужденіе склонности къ ней? Можетъ быть да, а можетъ быть и нѣтъ. Можетъ, было бы естественнѣе, чтобы равнодушный съ начала брака онъ послѣдствіе триничности своей натуры привыкся къ женѣ, какъ къ руководительницѣ его на жизненномъ пути. Авторъ не показалъ читателю, при помощи какихъ душевныхъ процессовъ мѣняются чувства героя. Благодаря этому ясны только первыя очертанія этой фигуры, а дальнѣйшее повѣствованіе дѣлаетъ ихъ смутными и неопредѣленными.

Второстепенныя лица не имѣютъ даже тѣхъ смутныхъ формъ, въ которыя облеченъ Лаптевъ. Читатель закрываетъ книгу, не зная, съ кѣмъ его знакомилъ авторъ. Что такое, напр., жена Лаптева, его знакомые Ярцевъ и Бочевой? Въ чемъ ихъ отличіе отъ главнаго героя? Имѣетъ

ли какое-нибудь особое значеніе то, что одного изъ нихъ — человека работающаго 15 часовъ въ сутки и сходжагося съ женщиной безъ любви — какъ leitmotiv сопровождаетъ вопросъ: «не знаю, что вы имѣете противъ любви?» Должно ли это означать, что по большей части жизнь людей устраняется безъ всякаго соотвѣтствія съ ихъ наклонностями, или ничего не должно означать, — читатель не знаетъ. И сцены, и лица, и изложеніе разсказа приводятъ читателей въ недоумѣніе. Перевернувъ послѣднюю страницу, онъ выводитъ только одно вполне определенное заключеніе: разсказъ «Три года» принадлежитъ къ числу самыхъ неудачныхъ произведеній г. Чехова.

Помѣщенный въ той же книжкѣ *Русской Мысли* интересный романъ г. Мамна-Сибиряка «Хлѣбъ» еще не оконченъ. Не окончена также и повѣсть г. Салова «Практика жизни». Къ тому и другому произведенію мы еще будемъ имѣть случай вернуться.

Первая книжка *Русскаго Богатства* содержитъ нѣсколько очерковъ и разсказовъ. «Безъ языка», очеркъ г. Короленко, имѣетъ сюжетомъ разсказъ о польскій въ Америку польскихъ крестьянъ, послѣдовавшихъ въ неизвѣстную страну за своимъ несчастливимъ односельчаниномъ. Разсказъ написанъ съ обычнымъ для автора талантомъ и доведенъ пока до пріѣзда потерявшихся по незнанію языка и страны крестьянъ въ Нью-Йоркъ. «Въ глухихъ мѣстахъ», очеркъ г-жи Лухановой, захватываютъ ту область, которая до сихъ поръ составляла почти специальность г. Мамна-Сибиряка. Сибирское купечество, сибирскіе промышленные люди, рабочіе изъ «варнаковъ», старые «крѣпкіе» нравы, патриархальные обычаи съ необычайнымъ уваженіемъ къ «родительницѣ», сохраняющимся, не смотря на исчезновеніе другихъ человѣческихъ чувствъ, — все это какъ будто уже гдѣ-то читано, все это слышано какъ будто мы уже знакомы. По началу очерковъ конечно нельзя сказать, познакомитъ ли насъ авторъ съ новыми типами и новыми сторонами сибирскаго быта. Въ той же книжкѣ помѣщено начало «Семейной хроники» г. Гарина «Студенты», составляющей продолженіе его предыдущаго произведенія «Глинисты».

Д. М.